

УДК 330.8

Талагаева Д.А., кандидат политических наук, доцент, МГИМО МИД России, г. Москва (Россия)

РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ XIX-XXI ВВ.

В статье предлагается анализ развития представлений о рациональности, заложенных в экономических теориях, которые составляют основу учебного курса «История экономических учений», - начиная с политэкономии эпохи Просвещения и заканчивая современной поведенческой экономикой. Вопрос имеет ключевое значение для преподавания данной дисциплины, так как тезис о рациональности составляет одновременно теоретическую и ценностную основу экономической науки: обеспечивая связь с математикой, он одновременно утверждает определенную модель поведения в качестве нормативной. Исследование использует методы «интеллектуальной истории» и «критической теории», которые интерпретируют научные тексты в качестве «речевых актов», отражающих интересы авторов и совершаемых в рамках определенного социально-политического устройства общества. Акцент делается на значение текста в пределах исторической ситуации, в которой он появился и получил распространение. Главным итогом исследования является представление развития экономических представлений о человеке как развертывание модели рационального эгоиста. Конкуренцию этой модели составили представления об «отчужденном» человеке К. Маркса, а затем — о «психологическом человеке» Дж. Кейнса. Кейнсианская экономика остается основой экономической политики большинства современных стран, но в то же время основные направления современной экономической науки отдают приоритет рационально-эгоистической модели. Преобладание данных моделей может объясняться исходя из культурных приоритетов или же социально-экономической структуры обществ, в которых складываются и получают распространения эти идеи. В то же время, в изложении данных теорий в рамках учебных курсов важно подчеркнуть роль экономики, не только как культурного феномена, отражающего определенную общественную конфигурацию, но и как деятельность, осуществляемую экономистами на двух главных направлениях — прогнозирование и формирование идеологических картин.

Ключевые слова: история экономических учений; интеллектуальная история экономики; экономическая антропология; рациональный эгоизм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-249-264

Представление о рациональном поведении человека — это одновременно теоретическая и ценностная основа экономической науки. Рациональность в данном случае сводится к математической обоснованности: рациональный индивид предпочитает измеримо

лучшие варианты и отвергает измеримо худшие [18, р. 15]. То, что эти предпочтения могут быть выражены количественными показателями, собственно, и делает возможной математическую экономику. Однако построение любой экономической теории неизбежно

© Талагаева Д.А.

© Talagaeva D.A.

начинается с решения о том, что подлежит измерению, насколько такие измерения возможны и каким образом они осуществляются. Ответы на эти вопросы составляют антропологическую модель, которая служит фундаментом для экономических построений и, как всякий фундамент, оказывается по большей части скрытой под возведенной на нем конструкцией.

Такое положение дел составляет проблему для образования сразу на нескольких уровнях. Прежде всего, оно затрудняет преподавание дисциплины, составляющей историческую основу экономического образования, «Истории экономических учений», так как фактически из поля внимания учащихся исключаются концептуальные основы интеллектуальных построений, которые им приходится осваивать, в результате чего внутренняя логика данных построений исключается из внимания или подменяется логикой автора того или иного учебного курса. Далее, эта проблема распространяется и на экономическое образование в целом, в котором модель рационального эгоиста прорисовывается как доминирующая или даже безальтернативная. Но, более того, учитывая роль экономического образования как одной из главных опор модели высшего образования, продвигаемой в качестве глобальной [1; 15], этот момент способен вызывать искажения в широком кругу специальностей.

Задача настоящей статьи —

обнаружить основные черты, приписываемые рациональному человеку в экономической науке и проследить исторические изменения в представлениях о нем. Теоретической основой предлагаемого разбора служат подход «интеллектуальной истории» в том виде, в котором он был оформлен «кембриджской школой» и ее последователями [6]. Ключевым здесь является рассмотрение научных утверждений в качестве «речевых актов», имеющих социальную природу и направленность [26]. В истории экономики аналогичный подход был в рамках «критического анализа» экономических учений, который предполагает разбор интеллектуальных построений в качестве отражения социально-политического устройства общества, к которому принадлежали авторы такого рода построений, и объяснение интеллектуальных построений как производных от социальных условий, в которых они создавались [22]. При критическом анализе идей экономической науки акцент чаще делается на социально-экономических условиях, однако в настоящей статье принимаются во внимание и культурные особенности обществ, в которых складывались эти идеи. В этом автор опирается на работы, акцентирующие внимание на культурной зависимости научного знания [13; 14; 16], в том числе на блок работ «философско-социологической школы МГИМО» [7; 8; 10].

Модели человека в классиче-

ской политэкономии. При рассмотрении моделей человека, выдвигаемых различными авторами, одним из главных факторов является полемическое поле, в котором они появлялись. Европейская наука Нового времени практически с самого начала развивалась как часть публичной политической дискуссии, ставшей гораздо более устойчивой и структурированной, благодаря распространению печати. Содержание этой дискуссии задавалось наиболее значимыми общественными конфликтами. Следы этих конфликтов есть практически в любом изданном произведении, независимо от жанра, но в экономических работах эти конфликты составляют смысловой центр.

Экономическая рациональность напрямую связана с представлениями о разумном эгоизме, сложившимися в европейской философии в Новое время и вышедшими на первый план в эпоху буржуазных революций. В экономической мысли обоснование такой разумности принадлежит Адаму Смиту: его основные работы «Теория нравственных чувств» [27] и «Богатство народов» [11] стремятся наглядно продемонстрировать, как индивид, руководствуясь своими личными интересами, способствует благу общества. Отстаивание правомерности и полезности эгоизма — характерный мотив Просвещения, прямо направленный против идей о необходимости направления человека пастырями — аристократией и церк-

вью, — наделенными божественными полномочиями исправлять его несовершенную природу. В утверждении рациональности эгоизма находит выражение требование свободных горожан оставить их в покое, и именно из этого противопоставления интересов буржуазии, с одной стороны, и знати с духовенством, с другой, происходит идея о рациональной природе человека.

Если основу человеческой природы составляет рациональный эгоизм, то его общественное поведение определяется видом дохода, который он может получить. В соответствии с этим критерием Смит выделяет три группы — землевладельцы, производители и труженики. Симпатии Смита явно на стороне производителей, и их, казалось бы, наиболее вредоносное стремление постоянно снижать оплату тружеников он оправдывает тем, что низкая стоимость труда выгодна экономике в целом. Таким образом, он выступает против всех досаждающих производителям законодательных ограничений.

Ограничениями такого рода стали пошлины на импорт зерна, введенные в 1815 г. и известные как «Хлебные законы». Хлеб составлял одну из главных статей расходов для наемных рабочих, оплата труда которых держалась на уровне минимального уровня пропитания, и соответственно вел к ее росту. Это, в свою очередь, ударяло по доходам промышленников. Конкретно в этой ситуации на их стороне выступил Дэ-

вид Рикардо, считающийся основателем математической экономики и автором трудовой теории стоимости. Характерным является то, что он выдвинул теорию, в соответствии с которой труд является основной мерой стоимости, именно в ситуации острой политической дискуссии, в которой связь между оплатой труда и ценами на все производственные товары использовалась в качестве главного аргумента против пошлин на зерно. Согласно взглядам Рикардо, капитал — это зафиксированная форма ранее произведенного труда, и собственник, получая прибыль на капитал, лишь возвращает стоимость этого труда. Система Рикардо абстрактна: его не интересуют исторические обстоятельства приобретения капитала, он лишь констатирует, что на конкурентном рынке цена любого товара снижается до его естественной стоимости, которая складывается из общей суммы труда, необходимого для его создания [17, р. 31-33].

Маркс и неоклассики о природе человека. Если Смит и Рикардо — примеры мыслителей, которые публиковались в ситуации, когда главный общественный конфликт разворачивался между землевладельческой аристократией и производственной буржуазией, и для которых труженики были объектом экономической политики, не способным стать стороной в политических дискуссиях, то Карл Маркс — фигура, принадлежащая к эпохе роста рабочего движения — новой

политической силы, от лица которой могут выступать интеллектуалы. И хотя эта сила и воспринимается официальной политикой как маргинальная, а подобные выступления связаны с риском, это движение становится центром притяжения для целой когорты ярких авторов. Если теория рационального эгоизма была нацелена на вытеснение из политэкономического дискурса моральных оценок, которые в предшествующую эпоху беззастенчиво использовались для обоснования власти феодальной знати и церкви, то Маркс возвращает мораль в экономику заявляя, по сути, о том, что все капиталистическое общество, построенное на рациональном эгоизме, аморально. Расчетливость и алчность, свойственные рациональному эгоизму, не естественные черты человека, а результат подчинения товарному обмену и взаимодействия человека с природой, и его отношений с другими людьми. Более того, продажа труда в условиях стандартизированного производства приводит к самоотчуждению — лишению возможности выражать себя в труде, которая, по мнению Маркса, составляет «родовую сущность» человека, и таким образом низводит его до животного уровня. Капиталист находится в этой системе в выигрышном положении, но и он несвободен: над его жизнью также довлеют товарные отношения, препятствующие естественным, спонтанным проявлениям человеческой природы [9].

Главное же содержание отношений между классами составляет

эксплуатация. Трудовая теория стоимости используется Марксом, чтобы доказать тезис, прямо противоположный рикардовскому видению: капитал, обеспечивающий контроль над средствами производства, используется не для возвращения затраченных на их создание средств, а для установления контроля над трудящимися, позволяющего отнимать у них большую часть произведенной ими стоимости. Заработная плата, которая у предшествующих экономистов расценивалась как справедливый обмен труда на деньги, реинтерпретируется здесь как насильственные отношения.

Маркс создал серьезную проблему для экономистов, не согласных с его революционным настроем: после него невозможно было использовать трудовую теорию стоимости, не поднимая проблему эксплуатацию, которая, в свою очередь, не позволяла говорить об отношениях, построенных на основе эгоизма, как о естественных и нормальных. Альтернативой была теория полезности, но она была раскритикована еще Смитом, который в качестве иллюстрации ее неспособности объяснить происхождение стоимости товаров приводил бесполезный, но дорогостоящий бриллиант и необходимую для любого человека, но практически бесплатную воду. Этот парадокс был разрешен в результате появления теории предельной полезности, которую в начале 1870-х гг. выдвинули сразу три автора — англичанин Стэнли Джевонс, австриец Карл Менгер и француз

Леон Вальрас. В этой теории полезность рассматривается как убывающая величина, зависящая от доступности данного товара: в силу повсеместной доступности воды ее полезность сокращается до минимума, а высокая цена бриллианта появляется из-за его редкости. При этом бриллиант может стать «полезным» только в том случае, если полезность всех необходимых вещей уже сведена к минимуму. Таким образом, предельная полезность каждого товара ставится в зависимость от предельной полезности всех остальных.

Человек в этой теории рассматривается как компьютер (или счетовод — уважаемая профессия до появления электронной вычислительной техники). Его задача — выстроить свои покупки так, чтобы максимально увеличить приобретаемую предельную полезность. Такое поведение описывается математически как решение уравнения на вычисление экстремума. Задача же продавцов — обеспечить максимальные продажи, не снижая цену ниже стоимости производства товаров. Там, где предельная полезность единицы товара для какого-то покупателя, или, говоря иначе, его готовность купить эту единицу встречается с ценой ее производства, устанавливается равновесие. Ключевой момент такого подхода к рыночному равновесию, автором которого был Вальрас, заключался в том, что равновесная цена на какой-то один товар зависела от цен всех остальных товаров. Заложив основы математического описания

рынков и рыночного поведения, эта теория открыла путь экономическому анализу, основанному на моделировании рынков.

Неоклассическая экономика отвечала экономическим тенденциям, развивавшимся в последние десятилетия XIX века — расширению спектра потребительских товаров, росту концентрации капитала, выразившейся в том числе и в объединении предприятий из различных отраслей в концерны, и общему усложнению экономики. Успешно же конкурировать с марксизмом неоклассике позволил спад общественного напряжения в период после революций конца 1840-х, обеспеченный общим ростом благополучия и значительным улучшением условий труда. Популярность же неоклассического подхода в университетском сообществе была во многом связана с его математической основой — сложные формулы сближали экономику с физикой, пользующейся неоспоримым авторитетом, и тем самым обеспечивали ей преимущественные позиции внутри научного сообщества [13; 157].

Человек в современной экономической теории: от кейнсианства до поведенческой экономики. Ученым, больше всех способствовавшим выводу неоклассической экономики на первые позиции в британских университетах был Альфред Маршал. И именно Маршал убедил склонявшегося в юности к философии Джона Кейнса заняться экономикой. С именем Кейнса ассоциируется создание

нового экономического направления — макроэкономики — и появление экономического регулирования как особого направления государственной политики. Его основные работы были откликом на Великую депрессию, и в них он выступал за активное вмешательство правительств в экономическую жизнь [5, 23]. В его картине мира государству предписывалась, по сути, патерналистская роль, которая принципиально отличалась от позиции минимального участия, которая подразумевалась в неоклассической экономике. Эта новая роль государства должна была отвечать новой модели человека, представленной в работах Кейнса. В его видении эффективная экономика обеспечивается не холодными расчетливыми эгоистами, а оптимистами, ведущими себя так, как будто в будущем им гарантировано увеличение доходов. Перелом этого настроения, случившийся из-за экономического краха, — главная причина затяжной депрессии. Человек напуган и, даже избавившись от нужды, склонен к пессимистичной осторожности, не позволяющей тратить появившиеся деньги — он сберегает, вместо того чтобы потреблять. Задача государства не просто накачать экономику деньгами, а побороть эти страхи и вернуть былой оптимизм.

Можно заметить, что если классическая экономика в наибольшей степени ориентировалась на буржуазию, главным интересом которой было избавление от поборов и навязчивой

опеки знати и церкви, то кейнсианство складывается как ответ на запросы ставшего многочисленным среднего класса, большинство которого составляют служащие — люди, не привыкшие полагаться исключительно на свои силы, но в то же время, чувствовавшие себя достаточно уверенно, чтобы не быть заинтересованными в установлении полноценного патерналистского государства, как это произошло в Советской России.

После завершения Второй мировой войны кейнсианство становится мейнстримом западной экономической науки. С точки зрения модели человека в ней закрепляется представление о том, что экономическое развитие обеспечивается не рациональностью, а иррациональным оптимизмом, или же, наоборот, развитие прекращается из-за иррационального пессимизма. Поддерживать оптимизм должна государственная политика. Однако если граждане не способны обеспечить экономический рост без государственной опеки, то логичным образом встает вопрос, как далеко должна простираться такая опека? И многие экономисты склонялись к мнению, что оправданным является гораздо более широкое вмешательство, чем стимулирование спроса с помощью денежных вливаний, за которое выступал Кейнс.

Одним из наиболее заметных представителей этой точки зрения был польский экономист Оскар Ланге, полагавший, что централизованное управление не только не

противоречит рыночной экономике, а необходимо для ее эффективного функционирования. По сути дела, приведение спроса и предложения к равновесной цене возможно только при условии существования некоторого центрального информационного бюро, которое обеспечивает обмен информацией между покупателями и продавцами. Эта функция, в общем-то, уже была заложена в концепции Вальраса, в которой фигурировал абстрактный «глашатай», доводящий изменения цен до сведения участников рынка [29, р. 46-61].

Главным оппонентом Ланге и других рыночных социалистов выступил Фридрих Хайек, аргументы которого остаются главными в обосновании превосходства рынка и по сей день. В его видении не рациональность отдельных людей обеспечивает рациональность рынка, а именно участие в рынке делает их поведение рациональным. Рынок позволяет обнаружить информацию, которая в ином случае остается скрытой. Процесс установления цены — это исследование, а сама цена — важнейший сигнал. В случае, если цены диктуются сверху, этот сигнал теряет значение. И в отсутствие рынка рациональное состояние не достижимо, так как человек не может владеть информацией, которая появляется только в ходе работы рыночных механизмов [19].

Нетрудно заметить, что человек в этой модели значительно упрощается, по сравнению с клас-

сическими подходами. Он фактически лишается возможности принимать рациональные решения и, влекомый стремлением к прибыли, способен только испытывать рынок, постоянно рискуя ошибиться. Его роль сводится к роли нервной клетки, которая реагирует так, как предписано ей ее биологическим устройством, не имея при этом никакого представления о работе нервной системы в целом — образ, с которым Хайек хорошо был знаком по своей работе в Институте анатомии мозга в Вене.

Этот поворот, от утверждения рациональности индивида к рациональности рынка, послужил фундаментом для сторонников рыночной экономики во второй половине XX века. Если рынок — это система обработки информации, то указание на иррациональность индивидуального поведения не может служить доводом для необходимости государственного вмешательства. Напротив, следует дать этой иррациональности полную свободу, так как только в таком случае рынок сможет извлечь и обработать максимум информации.

Такое понимание стало центральным для Чикагской школы, к 1980-м гг. вышедшей на ведущие позиции и в университетском сообществе, и в политическом истеблишменте. Ее лидер Милтон Фридман последовательно отстаивал точку зрения, что Великая депрессия была результатом ошибочной монетарной политики, а не естественным итогом рыночного бума. Однако самое далеко

идущее развитие эти идеи получили в работах другого представителя школы, Гари Бекера, и его единомышленников. Суть подхода Бекера заключалась в интерпретации ситуаций иррационального поведения в качестве рынков. Результатом такого анализа неизменно становились выводы о рациональности общей картины и о возможности улучшения ситуации за счет усиления действия экономических стимулов. Эта модель была распространена на предельно широкий круг социальных проблем. Сам Беккер опубликовал работы о дискриминации по национальному и гендерному признаку, преступности, политическом лоббировании и ряд других [2]. А среди его последователей наибольшую известность приобрел Стивен Левит, один из авторов популярной книги «Фрикономика» [3] и сторонник максимально широкого распространения подхода Беккера — в том числе на такие социальные проблемы как аборт, употребление алкоголя за рулем, обман в спортивных соревнованиях и т.д.

Таким образом, современная неоклассическая экономика переносит центр рациональности от человека к рынку. Человек в этой системе определяется доминирующим мотивом к извлечению прибыли, по сути, способен лишь рационально подчиняться рыночному порядку и никак не может претендовать на рациональное управление экономикой.

Фактически неоклассическая

экономика снимает вопрос о рациональности человека, оставляя ему только стремление к преумножению полезности и передавая задачу эффективной организации общественных процессов рынку, работающему как огромный компьютер. Проблема же рациональности стала, начиная с послевоенного периода, центральной для компьютерного моделирования. Благодаря вычислительной технике появилась возможность имитировать социальные ситуации с большим количеством участников. В этой ситуации базовую модель человека можно было наделить более сложными свойствами, чем простое предпочтение большей измеримой полезности меньшей. Однако особенностью этих моделей было то, что они складывались с изначальной задачей прогнозирования военных конфликтов, в первую очередь — с применением атомного оружия, и это накладывало отпечаток на их характер. Данная особенность особенно отчетливо проявилась в разработках одного из главных авторов теории игр — Джона Нэша. Если позиция основателей теории Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна заключалась в рассмотрении игр со стороны, как систем взаимодействий, то Нэш смотрел на игру преимущественно из положения игрока. Так ключевую проблему, выделенную фон Нейманом и Моргенштерном, - невозможность спрогнозировать игру с тремя равными игроками и возможностью заключать альянсы — альянс двух

против одного автоматически побеждает, а предсказать выбор между двумя равными величинами невозможно, - Нэш интерпретировал как равновесную ситуацию. Рациональным для каждого из трех игроков будет предложить сотрудничество обоим своим оппонентам, что останавливает игру — приводит ее к состоянию равновесия. Историк экономической науки Филипп Мировски находит в таком подходе отражение ситуации стратегического противостояния: «игроки» лишены информации друг о друге, но при этом знают, что оппонент находится в таком же положении, что и дает возможность прогнозировать его действия по аналогии со своими, и при этом равновесие, «замирание» игры является приемлемым, а возможно и предпочтительным результатом, учитывая, что, в конечном счете, речь шла о возможности атомной войны [23]. Самая широко известная модель из теории игр — «дилемма заключенного», в которой двое задержанных за преступление решают — сдать или не сдать напарника, пытаясь при этом угадать его решение, - представляет собой аналогичную ситуацию «слепого» противостояния.

Приближение модели человека к реальности стало одной из главных задач поведенческой экономики — течения, сложившегося в 1970-80-е гг. Центральным интересом его основателей Амоса Тверски и Даниела Канемана стали отклонения типичных человеческих

решений от правил теории вероятности, в том числе простейших — снижения вероятности события, зависящего от двух неопределенных условий, по сравнению с вероятностью зависящего от одного; необходимости перемножать вероятности событий-причин при определении вероятности события-следствия и т.д. На основе своих исследований Канеман и Тверски предложили набор альтернативных правил — «эвристик и предубеждений», которые, как они считали, точнее описывают, как принимаются решения [4]. В дальнейшем эти правила послужили основой для моделей, используемых в прогнозировании экономического поведения: наиболее известный пример — модель «ограниченной рациональности» Ричарда Талера [12]. Но, как отмечают Р. Хилл и Т. Маят, отрасль поведенческой экономики, несмотря на собственное динамичное развитие, слабо сказывается на главном направлении экономической науки: «Как эти исследования повлияли на мейнстрим экономики? Ответ — слабо. Сегодня в большинстве учебников где-нибудь найдется врезка, в которой упоминается поведенческая экономика и описаны несколько "аномалий", но они рассматриваются в качестве исключений, которые лишь подтверждают правило» [20, р. 25].

Однако даже переход к «эвристам и предубеждениям» означает, по сути, дела лишь пересмотр правил рациональности, а не основного положения о его ра-

циональном эгоизме. В этой модели, так же, как и в предшествующих, не учитывается иррациональность в том смысле, что человек способен резко изменять критерии принятия решений под влиянием стресса, и в результате то, что вчера казалось привлекательным, сегодня может вызывать страх. По сути дела, именно такой человек подразумевается в экономической теории Кейнса, которая от кризиса к кризису демонстрирует свою практическую применимость [28]. Ее фундаментальная проблема заключается в том, что она представляет человека нуждающимся в опеке — идея, которая находится в прямом противоречии с просвещенческим идеалом самостоятельности.

Таким образом, можно выделить три основные модели человека, представленные в экономической теории. Во-первых, рациональный эгоист классической и неоклассической экономики, переживший возрождение в чикагской школе. Во-вторых, нуждающийся в опеке психологический человек Кейнса. И в-третьих, отчужденный человек Маркса.

В целях формирования учебных программ по «Истории экономических учений» возможно интерпретировать такое распределение моделей, по крайней мере, двумя различными способами. Первый подход — культурно-психологический. С этой точки зрения в этом распределении отражены два типа людей — ориентированные на коллектив и ориентированные на независимость.

Если использовать классификацию культур Гирта Хофстеде [21], то речь идет о шкале индивидуализм — коллективизм. Наиболее высокими показателями индивидуализма как раз отличаются англо-саксонские культуры, с которых, собственно, и начинается либеральная экономическая теория, а высокий уровень коллективизма показывает, например, главная коммунистическая держава современности — Китай. Кейнсианство же — это средняя модель, которая остается наиболее распространенной в мире.

Историк экономики Роберт Нельсон проводит другую аналогию — с религией. С его точки зрения, эти две линии экономической теории представляют собой продолжение 2 религиозных традиций — католической и протестантской. Главную разницу между ними он видит в подходе к проблеме спасения — в католичестве подразумевается коллективное спасение, иначе говоря, спастись можно только в церкви. А в протестантизме предполагается индивидуальное спасение [25].

Нужно заметить, что в рамках этого подхода религия — это культурная форма, которая не столько создает, сколько отражает определенные предпочтения или ценности. В эпоху Реформации, а затем и Просвещения, преимущество оказалось за индивидуалистическим, ориентированным на самостоятельность типом личности, который был слабо востребован в предыдущие эпохи, и именно это отразил расцвет протестантизма.

И в этом смысле неолиберальная экономика — это продолжение протестантской линии, в то время как кейнсианство и марксизм стоят ближе к старшим христианским течениям, в первую очередь, к католицизму.

Вторая возможная интерпретация разницы в антропологических основах экономических теорий — марксистская. С этой точки зрения вся экономическая наука — это идеология. Главный же вопрос, который решает любая идеология — это перераспределение доходов. Естественно, те, кто попадает в категорию эксплуататоров, т.е. те, кто имеет возможность формировать доходы за счет труда других, предрасположены выступать против пересмотра существующих схем перераспределения и, соответственно, предпочитают теории, согласно которым никакой эксплуатации нет. И наоборот — на эксплуатации заостряют внимание те, кто наиболее заинтересован в таком пересмотре.

Кейнсианство в данном случае — это идеология среднего класса, который, с одной стороны, не заинтересован в сломе системы, так как получает условно справедливую среднюю долю от доходов общества. Но одновременно у него есть причины быть заинтересованным в расширении перераспределения: служащие как главная составляющая среднего класса со всеми основаниями видят себя в этом процессе в качестве посредников и как таковые являются его выгодоприобретателями.

Подытоживая разбор антропологических моделей в современной экономической теории, нельзя не затронуть вопрос той роли, которую эти модели играют в установлении связей между экономическими концепциями и культурной организацией конкретных обществ. Экономические концепции глубоко вплетены в современные культуры, так как в современном мире экономика воспринимается буквально как наука управления. Так сложилось, что экономическая квалификация — главная из тех, которые принимаются как подходящие для государственной службы, а экономические успехи воспринимаются как главный критерий политической результативности.

Такая близость к управлению подразумевает, что экономическая теория способна решать две главные задачи. Первая — идеологическая, которая заключается в способности изображать существующее положение дел как естественное, неизбежное. Вторая задача — прогнозирование, но здесь сразу же надо оговориться, что главным в прогнозировании является не точность прогнозов, а

то, насколько убедительно прогнозы создают видимость определенности, то есть обеспечивают возможность действовать так, как будто будущее известно. В этом смысле главная функция прогнозирования — мобилизующая.

И главное преимущество экономик в решении обеих задач — идеологической и прогностической — в том, что экономика является самой математизированной из гуманитарных наук. Математическая форма способна создавать предельно убедительную видимость определенности. Однако для того, чтобы построить математическую экономику, необходим некоторый измеримый параметр, вызывающий устойчивую человеческую реакцию. И любая экономическая теория начинается с вопроса, что именно может быть надежным предметом измерения и как эта величина влияет на человека. Из разных ответов на этот вопрос, собственно, и складываются разные модели человека. Таким образом, можно сказать, что эти модели образуют антропологию экономики, которая по сути дела, составляет фундамент любого экономического учения.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-78-10123

Список литературы

1. Балышев А.В., Коннов В.И. Глобальная наука и национальные научные культуры // Международные процессы. № 3, 2016. С. 96-111.
2. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
3. Дабнер С., Левитт С. Фрикономика. М.: Альпина Паблицер, 2019. 236 с.

4. Канеман Д. Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. 632 с.
5. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
6. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
7. Коннов В.И. Социально-психологические основы национальной научно-исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. № 5. С. 19-27.
8. Коннов В.И., Юревич М.А. Стандартные отклонения: российские ученые в зеркале норм и контрнорм научной деятельности // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 96-109.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. В кн. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 303-358.
10. Силантьева М.В., Глаголев В.С., Тарасов Б.Н. Философия межкультурной коммуникации // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2 (49). С. 64-76.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства М.: Эксмо, 2007. 960 с.
12. Талер Р. Новая поведенческая экономика. М.: Эксмо, 2018. 384 с.
13. Талагаева Д.А. Научная экспертиза как инструмент управления Европейским научным пространством. Вестник Брянского государственного университета. 2018. №3 (37). С. 150-155.
14. Шефер Б., Шлёдер Б. Интернациональность и национальное своеобразие науки // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 90-94.
15. Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 123-132.
16. Arinin E., Markova N., Kildiachova T., Silantieva M. Religion, science and 'religious education' in Russia the peculiarities of differentiations // European Journal of Science and Theology. 2018. Vol. 14. No. 5. P. 159-169.
17. Crandall C., Schaller. M. Scientists and Science: How Individual Goals Shape Collective Norms. In Schaller M., Crandall C. (eds.) The Psychological Foundations of Culture. London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. P. 201-223.
18. Dowd D. Capitalism and its Economics. A Critical History. London: Pluto Press, 2004. 324 p.
19. Godelier M. Rationality and Irrationality in Economics. London: New Left Books. 1972. 326 p.
20. Hayek F. The Use of Knowledge in Society. In Nishiyama C., Leube K. (eds.) The Essence of Hayek. Stanford: Hoover Institution Press, 1984. P. 211-224.
21. Hill R. Myatt. T. The Economics Anti-Textbook: A Critical

Thinker's Guide to Microeconomics. New York: Zed Books, 2010. 305 p.

22. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.

23. Hunt E., Lautzenheiser M. History of Economic Thought. A Critical Perspective. New York: M.E. Sharpe, 2017. 604 p.

24. Keynes J. The End of Laissez-Faire. In Keynes J. The End of Laissez-Faire. The Economic Consequences of Peace. New York: Prometheus Books, 2004. P. 13-46.

25. Mirowski P. Machine Dreams. Economics Becomes a Cyborg Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 655 p.

26. Nelson Robert. Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2001. 378 p.

27. Pocock J.G.A. Verbalizing a political act: Towards a politics of speech. In: Pocock J.G.A. Political thought and history. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 33-50.

28. Smith A. The Theory of Moral Sentiments Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 447 p.

29. Wapshott N. Keynes Hayek: The Clash that Defined Modern Economics New York: W.W. Norton & Company, 2012. 382 p.

30. White L. The Clash of Economic Ideas. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 428 p.

DEVELOPMENT OF CONCEPTS OF RATIONALITY IN THE HISTORY OF ECONOMIC DOCTRINES OF THE XIX-XXI CENTURIES

Introduction. Research problem. The article proposes an analysis of the developing ideas about rationality, embedded in economic theories, which form the basis of the training course "History of Economic Doctrines" - starting from the political economy of the Enlightenment and ending with modern behavioral economics. The question is of the key importance for the teaching of this discipline, since the rationality thesis is both a theoretical and value basis of economics: providing a connection with mathematics, it simultaneously affirms a certain model of behavior as a normative one. Methods. The study uses the methods of "intellectual history" and "critical theory", which interpret scientific texts as "speech acts", reflecting the interests of the authors and performed within a certain socio-political structure of society. The emphasis is on the meaning of the text within the historical situation in which it appeared and became widespread. Results. The main result of the study is the presentation of the development of economic ideas about a person as the deployment of a model of a rational egoist. This model competed with the concept of the "alienated" man of K. Marx, and then - of the "psychological man" of J. Keynes. Keynesian economics remains the basis of the economic policy of most modern countries, but at the same time, the main directions of modern economic science give priority to the rational-egoistic model. Conclusion. Conclusions. The predominance of these models can be explained in terms of cultural priorities or the socio-economic structure of the societies in which these ideas are formed and spread. At the same time, in the presentation of these theories within the framework of training courses, it is important to emphasize the role of the economy, not only as a cultural phenomenon that reflects a certain social configuration, but also as an activity carried out by economists in two main areas - forecasting and the formation of ideological pictures.

Keywords: history of economic doctrines; intellectual history of economics; economic anthropology; rational selfishness

References

1. Balyshev A.V., Konnov V.I. (2016) Global'naya nauka i nacional'nye nauchnye kul'tury [Global science and national research cultures] // *Mezhdunarodnye processy*. № 3. S. 96-111.
2. Bekker G. (2003) *СHелovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii* [Human behaviour: economic approach. Selected works on economic theory] M.: GU VSHE. 672 s.
3. Dabner S., Levitt S. (2019) *Friekonomika. [Freeconomics]* M.: Al'pina Pablisher. 236 s.
4. Kaneman D. Slovik P., Tverski A. (2005) *Prinyatie reshenij v neopredelennosti: pravila i predubezhdeniya. [Making decisions in uncertain times: rules and prejudices]* Har'kov: Gumanitarnyj centr. 632 s.
5. Kejns Dzh. (2007) *Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg. [Employment theory]* M.: Eksmo. 960 s.
6. *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii. (2018) [Cambridge school of thought: theory and practice of the intellectual theory]* Sost. T. Atnashev, M. Velizhev. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 632 s.
7. Konnov V.I. (2014) *Social'no-psihologicheskie osnovy nacional'noj nauchno-issledovatel'skoj kul'tury / [Socio-psychological basis of the national research culture] / Psihologicheskij zhurnal. № 5. S. 19-27.*
8. Konnov V.I., YUrevich M.A. (2016) *Standartnye otkloneniya: rossijskie uchenye v zerkale norm i kontrnorm nauchnoj deyatel'nosti [Standart variations: Russian scientists through the prism of norms and contrnorms of the research activities]* // *Voprosy psihologii. № 1. S. 96-109.*
9. Marks K. (2010) *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda. [Economic and philosophic manuscripts]* V kn. Marks K. *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty. M.: Akademicheskij proekt. S. 303-358.*
10. Silant'eva M.V., Glagolev V.S., Tarasov B.N. (2017) *Filosofiya mezhkul'turnoj kommunikacii [Philosophy of the intercultural communication]* // *Mezhdunarodnye processy. T. 15. № 2 (49). S. 64-76.*
11. Smit A. (2007) *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva [Research into the nature and causes of the wealth]* M.: Eksmo. 960 s.
12. Taler R. (2018) *Novaya povedencheskaya ekonomika. [New behavioral economics]* M.: Eksmo. 384 s.
13. Talagaeva D.A. (2018) *Nauchnaya ekspertiza kak instrument upravleniya Evropejskim nauchnym prostranstvom. [Scientific expertise as an instrument to govern European Research Area]* *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. №3 (37). S. 150-155.*
14. SHefer B., SHlyoder B. (2014) *Internacional'nost' i nacional'noe svoeobrazie nauki [Internationalism and national singularity of science]*// *Psihologicheskij zhurnal. T. 35. № 1. S. 90-94.*
15. YUrevich A.V. (2015) *Imet li nauka nacional'nye osobennosti? [Does science have national peculiarities?]* // *Psihologicheskij zhurnal. T. 36. № 1. S. 123-132.*

16. Arinin E., Markova N., Kildiachova T., Silantieva M. (2018) Religion, science and 'religious education' in Russia the peculiarities of differentiations // *European Journal of Science and Theology*. Vol. 14. No. 5. P. 159-169.
17. Crandall C., Schaller. M. (2004) Scientists and Science: How Individual Goals Shape Collective Norms. In Schaller M., Crandall C. (eds.) *The Psychological Foundations of Culture*. London: Lawrence Erlbaum Associates. P. 201-223.
18. Dowd D. (2004) *Capitalism and its Economics. A Critical History*. London: Pluto Press. 324 p.
19. Godelier M. (1972) *Rationality and Irrationality in Economics*. London: New Left Books. 326 p.
20. Hayek F. (1984) *The Use of Knowledge in Society*. In Nishiyama C., Leube K. (eds.) *The Essence of Hayek*. Stanford: Hoover Institution Press. P. 211-224.
21. Hill R. Myatt. T. (2010) *The Economics Anti-Textbook: A Critical Thinker's Guide to Microeconomics*. New York: Zed Books. 305 p.
22. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010) *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw-Hill. 576 p.
23. Hunt E., Lautzenheiser M. (2017) *History of Economic Thought. A Critical Perspective*. New York: M.E. Sharpe. 604 p.
24. Keynes J. *The End of Laissez-Faire*. In Keynes J. (2004) *The End of Laissez-Faire. The Economic Consequences of Peace*. New York: Prometheus Books. P. 13-46.
25. Mirowski P. (2002) *Machine Dreams. Economics Becomes a Cyborg Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 655 p.
26. Nelson Robert. (2001) *Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond*. University Park: The Pennsylvania State University Press. 378 p.
27. Pocock J.G.A. (2009) Verbalizing a political act: Towards a politics of speech. In: Pocock J.G.A. *Political thought and history*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 33-50.
28. Smith A. (2002) *The Theory of Moral Sentiments* Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 447 p.
29. Wapshott N. (2012) *Keynes Hayek: The Clash that Defined Modern Economics* New York: W.W. Norton & Company. 382 p.
30. White L. (2012) *The Clash of Economic Ideas*. Cambridge: Cambridge University Press. 428 p.

Об авторе

Талагаева Дарья Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России, E-mail: Dtalagaeva@mail.ru

Talagaeva Daria Aleksandrovna — PhD in Political Science, Associate professor of the 6th English language department at MGIMO University, E-mail: Dtalagaeva@mail.ru